

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ ЧЕЛОВЕКА В ЗАГАДКАХ

Т. Н. Николаева

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,

Якутск, Россия

e-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению возрастных характеристик человека в якутских загадках с привлечением аналогичных единиц тувинского, алтайского и хакасского языков. Актуальность исследования данной проблемы связана с перспективностью сравнительно-сопоставительного изучения феномена загадочных текстов с точки зрения комплексного изучения малого жанра фольклора в разных культурах в русле современных лингвистических направлений (когнитивная лингвистика, лингвокультурология, фольклористика). В работе применяются: метод сплошной выборки, лингвокультурологический и интерпретационный анализы. Материал для анализа извлечен методом сплошной выборки из сборников народных загадок, из работ отдельных авторов, снабженных переводом на русский язык «строка в строку» для удобства работы. Цель работы заключается в выявлении и описании универсальных и национально-специфических представлений о жизненном цикле человека, завуалированных иносказательно в энигматических текстах. В ходе проведенного исследования выявлено, что в данных текстах возможны не прямые номинации загаданного денотата в разных структурных конструкциях, оформление которых зависит от интенции адресанта и адресата. Выявлено также, что в загадках с многочленной структурой кодируется метафорический образ человека в возрастных трансформациях с самого рождения до последних дней. В загадках с двухкомпонентной структурой ход жизненного развития человека представляется как мгновенная смена суточного времени (утро>день>вечер). Такая метаморфоза времени обнаружена в загадке о человеке, которая оказалась универсальной для рассмотренных лингвокультурных сообществ. Как показывает материал, загадочное описание объекта представлено в якутских примерах в акциональном, темпоральном и цифровом кодах, а в рассматриваемых тюркских языках – в зооморфном, цифровом, артефактном и социальном кодах, т. к. загадочные тексты содержат информацию, которая отражает лингвокультурную картину мира, к которой они принадлежат, их дешифровка, разгадка строится на сообразительности, жизненном опыте, знаниях, представлениях об окружающем мире. Перспектива дальнейшей работы видится в более детальном и углубленном осмыслении природы народных и современных загадок с целью выявления динамики восприятия образа человека на материале родственных языков.

Ключевые слова: загадка; энигматический текст; метафора; якутский язык; алтайский язык; хакасский язык; тувинский язык; лингвокультурология; образ человека; фольклор

Для цитирования: Николаева Т. Н. Представления о жизненном цикле человека в загадках. *Эпосоведение*. 2025;1(37):95–105. <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2025-1-95-105>.

Original article

Representations of the human life cycle in riddles

Tatiana N. Nikolaeva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia
e-mail: tnikaeva184@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the identification of human age characteristics in Yakut riddles with the involvement of similar units of Tuvan, Altai and Khakas languages. The relevance of the study of this problem is connected with the prospect of comparative study of the phenomenon of riddle texts from the point of view of a comprehensive study of a small genre of folklore in different cultures in the context of modern linguistic trends (cognitive linguistics, linguocultural studies, folkloristics). In the work the following methods are applied: the method of solid sampling, linguocultural and interpretative analysis. The material for analysis is extracted by the method of solid sampling from collections of folk riddles, from the works of individual authors, provided with a translation into Russian “line by line” for the convenience of work. The aim of the work is to identify and describe the universal and national-specific representations of the human life cycle, veiled allegorically in enigmatic texts. The study reveals that in these texts indirect nominations of the enigmatic denotation are possible in different structural constructions, the design of which depends on the intention of the addresser and the addressee. It is also revealed that riddles with a multi-part structure encode a metaphorical image of a person in age transformations from birth to the last days. In riddles with a two-part structure, the course of a person’s life development is represented as an instantaneous change of daily time (morning>day>evening). This metamorphosis of time is found in the riddle about a man, which turned out to be universal for the considered linguocultural communities. As the material shows, the enigmatic description of the object is presented in Yakut examples in actional, temporal and digital codes, and in the Turkic languages under consideration – in zoomorphic, digital, artifactual and social codes, since the enigmatic texts contain information that reflects the linguocultural picture of the world to which they belong, their deciphering, unraveling is based on cleverness, life experience, knowledge, ideas about the surrounding world. The prospect of further work is seen in a more detailed and in-depth understanding of the nature of folk and modern riddles in order to identify the dynamics of perception of the image of a person on the material of related languages.

Keywords: riddle; enigmatic text; metaphor; Yakut language; Altai language; Khakas language; Tuvan language; linguoculturology; human image; folklore

For citation: Nikolaeva, T. N. Representations of the human life cycle in riddles. *Epic studies*. 2025;1(37):95–105 (in Russian). <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2025-1-95-105>.

Введение

В последнее время наметилась тенденция активного обсуждения проблемы лингвистической интерпретации темы человека, в т. ч. его возрастной характеристики в контексте антропоцентрической парадигмы современных исследований. Мнения исследователей сходятся в том, что человек, по своей сути и природе, существо сложное, многогранное, и, соответственно, осмысление его ипостасей в языке и культуре представляется таким же разноплановым, комплексным. Об этом пишет, например, С. М. Толстая в предисловии: «Человек предстает в языке и культуре в единстве его телесной, духовной и социальной ипостаси, как существо чувствующее, мыслящее и деятельное. С трудом можно представить себе не только когнитивную дефиницию этого исключительно сложного и разнопланового понятия (концепта), но даже и просто удовлетворительное лексикографическое толкование слова *человек* во всем объеме его значений, употреблений и коннотаций. Вот почему мы говорим сейчас только о подступах к человеку, т. е. о некоторых, избранных аспектах и сторонах этого понятия» [1, с. 7].

Актуальность изучения возрастного образа человека на материале загадок (энигматических текстов) подтверждается возрастающим интересом к моделированию концепта возраста

человека в якутской языковой картине мира, которое получает свою объективацию в единицах разных языковых уровней: в семантике слов и фразеологизмов – Е. Н. Афанасьева [2], Л. М. Готовцева [3; 4], Р. Н. Анисимов [5], синтаксических конструкциях – И. Б. Иванова [6], в мифологическом дискурсе – В. В. Винокуров [7] и т. д.

Целью данной работы является расшифровка скрытого, завуалированного представления о возрастных этапах развития человека, заложенного иносказательно и коротко в пределах двух составляющих – собственно загадочного текста и загаданного денотата.

В целом, можно сказать, проблема загадки как древнейшего жанра традиционной культуры себя еще не исчерпала в качестве предмета ряда научных дисциплин, наоборот, она становится одной из актуальных тем современных лингвистических исследований полиаспектного осмысления достаточно сложного механизма данных лаконичных фольклорных текстов. Это касается и проблемы якутской загадки (таабырын) как своеобразной фигуры речи, которая является, на наш взгляд, одним из перспективных объектов исследования, обусловленным обобщением научных поисков предыдущих исследователей, например, работ Г. У. Эргиса [8], С. П. Ойунской [9], Д. К. Сивцева [10], Т. В. Илларионовой [11], В. В. Филипповой [12] и др., посвященных анализу эволюции жанра якутской народной загадки, ее тематической и структурно-семантической характеристике, функциональному назначению и познавательной роли в миропонимании древних якутов, национальному своеобразию наивного восприятия окружающего пространства и т. д.

Для проведения исследования используются методы лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа. При отборе языкового материала применялся метод сплошной выборки.

Традиционно определение загадки дается следующим образом – это фольклорный жанр малой формы, известный у всех народов, и состоит из двух частей: загадки (вопроса) и отгадки (ответа). В загадке тем или иным способом «зашифрована» отгадка. В загадочных текстах используются метафоры, метонимии, сравнения, антитезы, эпитеты, аллитерации, звукоподражания [13, с. 271–272].

Методологической основой работы являются труды по исследованию специфики якутской загадки как жанра устного народного творчества саха Г. У. Эргис [8], С. П. Ойунская [9], Д. К. Сивцев [10], Т. В. Илларионова [11], В. В. Филиппова [12]; работы по описанию когнитивно-семантической структуры загадок С. Я. Сендерович [14]; М. Л. Ковшова, О. С. Орлова [15], О. С. Орлова [16], Н. И. Файзуллина [17], М. Д. Чертыкова, Ч. А. Каксин [18]; материалы по характеристике человека в загадках тюркских языков Южной Сибири (алтайский, тувинский, хакасский).

Источниками для написания статьи послужили «Якутские загадки = Саха таабырыннара» [19]. Основной массив рассмотренных примеров составляет тематический раздел V (Человек. Общественные отношения, закон, верования) в количестве более 400 текстов, но в статью вошли загадки, семантика лексем которых соотносится с номинацией и дескрипцией возрастного развития человека – представителя данного социума.

Возрастная характеристика в лингвокультурном пространстве загадок

Загадка, как и другие паремиологические тексты, может служить ценным источником изучения особенностей менталитета архаического человека и человеческого менталитета вообще, источником реконструкции архаичной картины мира, считает А. В. Головачева [20, с. 195].

Человек занимает ключевую позицию в загадочных описаниях тем, что в них детально просматриваются составляющие ассоциативного образа «внешнего человека». Например, у человека в якутских загадках есть голова, мозг, волосы, глаза, нос, ресницы, брови, уши, рот, зубы, язык, руки, пальцы, ногти, ладонь, ноги и т. д., что, по мнению Г. У. Эргиса, «наглядно показывает народное знание строения человеческого тела» [8, с. 356]. Среди загадок этого раздела особо выделяется группа с заданными паттернами жизни, которые делятся в измерении относительных временных отрезков и отражаются в стереотипных народных представлениях о том, что утро – пробуждение, день – активность, оживление, вечер – покой, тишина, сон. Считаем

уместным обратиться к рассуждению Г. У. Эргиса [8, с. 355] о семантико-структурной организации, архитектонике «загадочных» текстов о человеке: «Очень разнообразны и богаты загадки о человеке. Некоторые из них бывают сложными, т. е. предполагают не одну, а несколько отгадок. При том сложная конструкция загадки исходит из содержания самой загадки. Это не простое соединение нескольких загадок в одну, а органически связанные между собою загадки, отгадки которых создают один целостный образ. Составные загадки этой сложной загадки сами по себе не могут быть самостоятельными загадками, несмотря на то, что они имеют свои отгадки. Так в загадке: *Халлаан сырдыыта харабын көрөр, / Күн тахсыыта олорор, / Күнүскү ынах сабана түөрт атах буолар, / Күн орто сабана икки атах буолар, / Түөртүүр ынах сабана үс атах буолар, / Күн кириитэ харабын сабар баар үһү* [8, с. 355] – шесть отгадок, которые представляют из себя «биографию» человека по его возрасту. Автор предлагает «приблизительный перевод загадки с отгадкой» следующим образом: На рассвете глаза раскрывает (рождение человека), / При восходе солнца садится (малютка-младенец); / При дневном доении коров – на четырех ножках (ползун), / К полудню – на двух ногах (зрелость); / При четвертом доении коров – на трех ногах (старость); / При заходе солнца закрывает глаза (смерть).

Развернутый сюжет загадки о течении жизни человека строится на метафорическом уподоблении динамике традиционной повседневной практики от восхода до заката, которая имеет культурно-временную локацию. Данный пример отличается от большинства тем, что содержит несколько дескрипций для кодирования фрагментов возрастного цикла человека, из чего складывается сама жизнь, мыслимая по своей природе как процесс в трех измерениях: прошлое, настоящее, будущее. Образ человека в возрастном представлении в данном примере считается преимущественно во временном и акциональном кодах культуры. Употребление лексем для прямой номинации органов зрения – *харах* (глаз) и нижних конечностей – *атах* (нога) может стать языковой подсказкой для адресата, однако декодирование загадываемого денотата требует культурологического комментария, апеллирующего к знаниям, представлению, ассоциации для построения определенного образа. Временное восприятие *күнүскү ынах сабана, күн ортотун сабана, түөртүүр ынах сабана* восходит к установленному в якутской культуре традиционному режиму дойки коров, например, *күнүскү ыам сабана* (примерно в десятом часу утра), *күн ортотун сабана* (полдень, примерно 12 часов дня), *түөртүүр ынах сабана* (примерно в пятом часу пополудни).

Возрастной образ наблюдаем и в примере, в котором загадка прочитывается во временном и акциональном кодах культуры: *Сарсыарда олорор, күнүс сүүрэр, кизһэ тайахтанар баар үһү* 'Говорят, некто утром – сидит, днем – бежит, вечером – на посох опирается' (ребенок, взрослый человек, старик) [19, с. 184].

По поводу ее структурно-семантической характеристики свое видение излагает Д. К. Сивцев следующим образом [10, с. 163–164]. Он считает, что каждое слово данной загадки имеет значение и образ: детство уподобляется утру, зрелость – дню, а старость – вечеру. Через предикат *сидит* отображается представление о ребенке, предикат *бежит* передает облик человека в более зрелом периоде, а посредством предиката *опирается на посох* изображается человек пожилого возраста. По наблюдениям автора, загадки как единицы, способные передать сложность и мудрость жизни, имеют тенденцию трансформироваться в пословицы при отсутствии вопросительного маркера.

Следующие антропонимические загадки демонстрируют плотность употребления темпорального, числового и соматического кодов как исходных признаков скрытого денотата энигматических текстов. Как показывают примеры, в качестве ключевого компонента описательной части загадки функционируют, в основном, количественные числительные: один, два, три, четыре.

Сарсыарда биир атах, күнүс икки атах, кизһэ үс атах буолар баар үһү 'Говорят, есть некто, кто утром – на одной ноге, днем – на двух ногах, вечером – на трех ногах' (ребенок, взрослый человек, человек пожилого возраста) [21, с. 14].

Периодизация возрастного развития человека (детство, молодость/взрослость, старость) базируется на метонимическом отождествлении части и целого, когда соматизм нога/ноги как часть тела человека замещает самого человека. То же самое можно наблюдать на следующем примере: *Биир атах, түүрт атах, икки атах, үс атах баар үһү* ‘Говорят, есть одна нога, четыре ноги, две ноги, три ноги’ (Человек: в младенчестве сидит, потом ползает, в молодом возрасте ходит прямо и в пожилом возрасте перемещается с помощью опоры) [22, с. 201]. Образы в данных загадках конкретизируются и дополняются наличием количественных числительных в их прямом значении.

Иносказательное описание возрастного образа человека содержится в следующем примере с факультативными компонентами, которые могут варьироваться в зависимости от контекста, от интенции адресанта. Факультативный компонент может придать долю намека, подсказки, меткость наблюдения в фигуративном и буквальном описании загадываемого объекта: *Сарсыарда (күн тахсыытыгар) түүрт атахтаах (түүрт атах, түүрт атахтанар), күнүс (күн ортотугар) икки атахтаах (икки атах, икки атахтанар), кизһэ (күн кириитигэр) үс атахтаах (үс атах буолар, үс атахтанар) баар үһү* – ‘Говорят есть некто, кто утром (на рассвете) – на четырех ногах, днем (в полдень) – на двух ногах, вечером (на закате) – на трех ногах’ (Человек: в младенчестве ползает, потом ходит и в пожилом возрасте перемещается с помощью трости) [19, с. 184].

Корпус загадок о человеке на материале тувинского, алтайского и хакасского языков свидетельствует о наличии почти идентичных примеров о возрастных циклах. Например, Ж. М. Юша пишет о разной композиционной структуре тувинских загадок [23, с. 184]. Она выделяет двучленные, встречаются также загадки с семичленной структурой, метафорический смысл которых может быть разгадан несколькими ответами. На подобную структурную организацию якутских загадок обращает внимание и Г. У. Эргис [8, с. 355]. В приводимом ниже примере, автором перевода которого является Ж. М. Юша, загадывается рождение, взросление и биологическая смерть человека.

*Дүне када бүшкүйүп аар,
Даң бажында кулбурап кээр,
Эртен көжээдег олуар,
Биче дүһиште дөрт даяактаар,
Дүһиште ийи буттаар,
Кежээ үш буттаар,
Дун каксы чыдыттар*

Ночью согнувшись сидит,
Рано утром встает,
Утром, как каменное изваяние, сидит,
Перед обедом на четвереньках ходит,
В обед на двух ходит,
Вечером на трех ногах ходит,
На ночь засыпает

(*кижиниң ие иитинге чорууру, төрүттүнүп* (внутриутробное развитие, его рождение, *кээри, олурунтар апаары, чажында үңгээри,* когда младенец может сидеть, когда он *өзүп келгеш кылаштаары, кыраанда* ползает, ходьба человека, человек в старости, *даянгыштыг чорууру, өлүп каары*). смерть человека) [23, с. 31].

А. М. Соян пишет, что «У тувинцев отсчет жизни человека идет с внутриутробного развития» и со ссылкой на Н. Г. Курбатского приводит интерпретацию декодирования загадок о жизненных этапах человека в культурном пространстве. Автор отмечает, что «фазы бытия уподоблены различным временам суток. В младенчестве загадка выделяет следующие моменты: нахождение в чреве матери – “на ночь сгорбиться в тесноте”; рождение – “на заре выскользнет”. Сидение – “утром, как стела, сидит”. Ползание – “в полдень на четырех опорах”, “утром на четырех ногах”. Большую часть жизни “днем” человек “на двух ногах”. “Вечером”, т. е. в старости, “на трех ногах”, т. е. ходит с палкой. “В сумерках (т. е. в старости) человек ляжет”, т. е. умрет» [24, с. 116].

Из приведенных примеров видно, что в загадках с усложненной, многочленной структурой более подробно описан загаданный объект, например, представление о том, что жизнь человека

начинается с момента появления на свет, даже с внутриутробного развития и заканчивается уходом в мир иной, т. е. смертью. Денотат о завершении жизненного цикла человека представляется не прямой соотнесенностью с предметом описания, а опосредованно, что связано с иносказательной сущностью природы самой загадки.

Т. Г. Бочина, исследуя числовой код как компонент денотата загадок о человеке, выделяет сложные по структуре, математической шкале и метафоризации тувинские загадки. Например:

*Он эник,
Чээрби бөрү,
Ужсен хылыш,
Дөртөн маадыр,
Бежен дүжүмет,
Алдан даяңгыш,
Чеден быра [25, с.12].*

(Человеческий возраст, жизнь:
10 щенков – от 1 года до 10, младенческий возраст; **20** волков – от 10 до 20, возраст, когда человек много недопонимает, самонадеян; **30** сабель – цветущая молодость; **40** героев-богатырей – человек не торопится, ничего не боится; **50** чиновников – пора умственной зрелости; **60** посохов – начало старения; **70** рычагов-опор – человек стар и пользуется палкой).

Данная загадка, по интерпретации автора, состоит из семи частей с семью числительными, шесть из которых являются производными (20, 30, 40, 50, 60, 70). При этом указывается, что описательная часть загадки оформлена по одной и той же модели, где числительное указывает на количество лет, а предмет (одушевленный или неодушевленный) метафорически характеризует период жизни человека: щенок – младенец, волк – юность, сабля – цветущая молодость, богатырь – сила, уверенность, чиновник – умственная зрелость, посох – начало старения, палка – старость [25, с. 12]. Загадка интерпретируется в зооморфном, артефактном и социальном кодах. Условный десятилетний цикл возрастного развития человека конкретизируется с помощью культурно обусловленных образов, которые воспринимаются и декодируются с опорой на жизненный опыт, представления и наблюдения.

О возрастных особенностях алтайцев в контексте традиционной культуры ведется активное обсуждение в исследованиях, например, А. К. Бидиновой, Н. А. Тадиной и т. д., в которых авторы так или иначе касаются когнитивно-культурологического комментирования загадок, в т. ч. рассматриваемого ниже примера:

*Он – ийт,
Лирме – тийинг,
Одус – бөрү,
Төртөн – төчүн,
Бежен – белек,
Алтан – тайак,
Летен – кожууш,
Сегизен – булгууш,
Тогузон – соки,
Јус – јымыртка.
(Кижиле онын јажы)*

В десять – собака,
В двадцать – белка,
В тридцать – волк,
В сорок – мышь,
В пятьдесят – задаток,
В шестьдесят – костыль,
В семьдесят – пригоршня,
В восемьдесят – мешалка (тряпка),
В девяносто – ступа,
В сто – яйцо.
(Человек и возрастные особенности) [26, с. 71].

А. К. Бидинова выявляет в этом примере модели метафорического переноса, основанием которого является «уподобление свойств, качеств, характеристик животных и предметов свойствам, качествам, характеристикам человека», например, от десяти до сорока человек уподобляется животному (ийт ‘собака’, тийинг ‘белка’, бөрү ‘волк’, төчүн ‘мышь’), а от пятидесяти

до ста – предмету (*белек* ‘задаток’, *тайак* ‘костыль’, *кожууш* ‘пригоршня’, *былгууш* ‘мешалка’, *сокы* ‘ступая’) [27, с. 62].

Толкование метафорических не прямых номинаций возрастных особенностей человека может быть детерминировано, по Т. А. Тадиной, культурными установками. Автор подробно излагает возрастные определения по народным представлениям алтайцев, которые, в свою очередь, имеют определенный счет. Например, она считает, что «период до 10 является детским возрастом. Особенности подросткового и юношеского возраста – 10 до 20 – позволяют сравнить человека с собакой (*ийт*). В этом возрасте дети легки на подъем и находятся в постоянном движении и общении. В возрасте от 20 до 30 по занятости он сравнивается с белкой (*тийин*), он как белка прыгает с места на место, пробует себя то в одном, то в другом деле. По физическим и умственным способностям молодого 30-летнего человека сравнивают с волком (*бөрү*), у него есть позиция, стремится быть самостоятельным» [28, с. 159–160]. Интересный культурологический комментарий автора дополняет интерпретацию представления о пожилых людях, например, 80-летнего человека сравнивают с мешалкой (*былгууш*), которую как повернешь, так и лежит. 90-летний подобен ступе (*сокы*): «посидит и постоит, а далеко уже не ходит». 100-летнего сравнивают с яйцом (*жымыртка*), «ведь ему тяжело подниматься с кровати и только ворочается» [28, с. 161].

Как пишет В. В. Митрофанова, «о человеке вообще довольно распространена загадка: Утром – на четырех ногах, В полдень – на двух, Вечером – на трех. Она знакома почти всем европейским народам. По преданию, ее загадывал сфинкс, погибший после того, как Эдип разгадал ее» [29, с. 74].

В фонде рассматриваемых народных загадок о периодах жизни человека зафиксирована эта универсальная загадка, например, Т. Г. Бочина рассматривает ее среди тувинских загадок с числительными как катализаторов процесса отгадывания [25, с. 11]:

Эртен *дөрт* буттаар,
Дүшүте *ийи* буттаар,
Кежээ *үш* буттаар.

Утром на четырех ногах,
В полдень на двух ногах,
Вечером на трех ногах.
(в младенчестве человек ползает, повзрослев,
ходит, в старости бредет, опираясь на палку).

В алтайском сборнике народных загадок представлена схожая загадка [26, с. 71]:

Эртен тура – төрт бутту,
Түште эки бутту,
Энирде үч бутту.

Утром – на четырех ногах,
Днем – на двух ногах,
Вечером – на трех ногах.

(Баланың энмектегени, кижининг басканы, (Ребенок, взрослый, старик)
тайакту карган кижин)

Идентичный вариант находим в хакасском фольклоре [30, с. 119]:

Пастап төрт азахтыг,
Анаң ікі азахтыг,
Соонаң үс азахтыг. (Кізі)

Сперва, когда еще был мал, на четырех
ногах шагал,
Когда поднялся с четырех,
Пошел на двух, потом на трех (человек).

Относительно данной загадки В. Я. Бутанаев пишет, что «многочисленные загадки о человеке имеют как местные истоки, так и заимствованные в результате культурных связей со многими народами мира. Например, загадка “Сначала на четырех ногах, затем на двух ногах, в конце

на трех ногах” (человек в младенчестве, в зрелом возрасте и в старости) была уже известна в Древней Греции. Древнегреческий миф гласил, что царь Эдип встретил у ворот своей столицы города Фивы сфинкса, который под угрозой смерти предложил разгадать загадку: “Кто ходит утром на четырех ногах, в полдень – на двух, а вечером – на трех”. Эдип сумел разгадать, сказав, что “человек в младенческом возрасте ползает на четвереньках, в расцвете сил ходит прямо, а под старость опирается на посох”» [31, с. 213].

Выше на материале якутского языка рассмотрена загадка с похожим структурно-семантическим наполнением.

Заключение

В данной статье предпринята попытка изучить возрастные стереотипы человека через малый жанр фольклора – загадки, в которых он (человек) занимает доминирующую позицию, однако, выяснилось, что доля энигматических текстов с завуалированным возрастным денотатом оказалась не столь велика по сравнению с теми единицами, относящимися к разделу «Человек». Тем не менее проведенный анализ выявил, что наивное представление возрастного развития человека в якутских загадках интерпретируется в акциональном, темпоральном и цифровом кодах, когда как в рассматриваемых тюркских языках – в артефактном, цифровом, зооморфном и социальном кодах, что обусловлено национальными стереотипами восприятия окружающего мира. Для установления универсального и национального в метафорическом построении возрастного образа человека были привлечены загадки из материалов тувинского, алтайского и хакасского языков. Как свидетельствует материал, уподобление скрытого объекта в образной части в единицах этих языков строится посредством описания одушевленных и неодушевленных предметов из животного и окружающего мира на основе установления их отдаленного сходства, что не обнаружено в якутских загадках. Разгадка некоторых загадочных текстов представляет трудности для восприятия и понимания, особенно для отгадчиков другой культуры, для чего требуется культурологическая интерпретация.

Выявлено, что загадки с усложненной (многочленной) структурой способны сочетать несколько образов человека, начиная с момента появления человека на свет и кончая его уходом из жизни. Загадки с двухчастной структурой представляют жизненный цикл человека как метаморфозу суточного времени.

В завершении согласимся с мнением С. Я. Сендеровича о том, что «Народная загадка, один из самых малых, так называемых элементарных, жанров фольклора, оказалась при внимательном рассмотрении сложным явлением» [14, с. 216].

Перспектива дальнейшей работы видится в более детальном и углубленном осмыслении природы народных и современных загадок с целью выявления динамики восприятия образа человека на материале родственных языков.

Литература

1. Толстая С.М. На подступах к человеку. В кн.: Толстая С.М. (ред.) *Образ человека в языке и культуре*. Москва: Индрик; 2018:7–20.
2. Афанасьева Е.Н. Вербализация образа человека в якутском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2019;(2):231–242.
3. Готовцева Л.М. Фразеологические единицы микрополя «старый возраст человека» в якутском языке. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023;44(3):67–78.
4. Готовцева Л.М. Репрезентация семантического поля «Возраст человека» в якутском языке. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022;126(12):1–4.
5. Анисимов Р.Н. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018;17(9):31–42.
6. Иванова И.Б. Глагольные конструкции как средство выражения понятия «возраст человека» в якутском языке. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022;3(20):39–50.

7. Винокуров В.В. Представления о человеке в якутской мифологии. *Вестник СВФУ. Серия: Педагогика. Психология. Философия*. 2017;2(06):44–51.
8. Эргис Г.У. *Очерки по якутскому фольклору*. Новосибирск: Наука; 1974:402.
9. Соловьева-Ойунская С.П. *Якутская загадка. Специфика жанра*. Санкт-Петербург: Наука; 1992:111.
10. Сивцев Д.К. *Саха фольклора. Хомуурунньук*. Новосибирск: Наука; 1996:236. (На якутском яз.)
11. Илларионова Т.В. *Саха таабырыннара: үөрэнэр кинигэ*. Дьокуускай: Саха государственной университетин изд-та; 2008:27. (На якутском яз.)
12. Филиппова В.В. Якутские загадки: семантика и структура. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 2012:23.
13. Николокина А.Н. (ред.) *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Москва: НПК «Интел-вак», 2001:799.
14. Сендерович С.Я. *Фигура сокрытия: избранные работы. Т. 3. О фольклоре*. Москва: Издательский Дом ЯСК; 2019:284.
15. Ковшова М.Л., Орлова О.С. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования. *Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание*. 2020;4(4):70–79.
16. Орлова О.С. Загадка как объект лингвистического исследования. *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2017;3(8):104–114.
17. Файзуллина Н.И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков). Автореферат дис. ... доктора филол. наук. Казань, 2019:42.
18. Чертыкова М.Д., Каксин Ч.А. Смысловые и трансформационные схемы интерпретации хакасских загадок. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;1–3(64):76–80.
19. Ойунская С.П. (ред.) *Якутские загадки = Саха таабырыннара*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1975:375. (На якутском и рус. яз.)
20. Головачева А.В. К вопросу о прагматике загадки. В кн.: Николаева Т.М. (ред.) *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1*. Москва: Индрик; 1994:195–213.
21. Горохов С.И., Ефремов П.Е., Ойунская С.П. (ред.) *Киһи тыла – ох*. Якутской: Кинигэ изд-вота; 1982:56. (На якутском яз.)
22. Васильев Г.М., Константинов Х.И. (ред.) *Саха народун айымньыта = Творчество якутского народа*. Якутск: Гос. изд-во ЯАССР; 1942:248. (На якутском яз.)
23. Юша Ж.М. Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая, Монголии. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2021;2(30):28–32.
24. Соян А.М. Характеристики человека в тувинских загадках (на полевом и лексикографическом материале). *Новые исследования Тувы*. 2024;2(2):112–124.
25. Бочина Т.Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке. *Новые исследования Тувы*. 2023;3(3):6–20.
26. Укачина К.Е. ~~(еост.)~~ *Алтайские загадки = Алтай табышкактар*. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-е Алтайского книжного изд-ва; 1981:176.
27. Бидинова А.К. Метафоры, обозначающие человека, в алтайских загадках. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2015;1(28):61–65.
28. Тадина Н.А. О жизненных этапах человека в контексте традиции счета возраста у алтайцев. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2023;3(41):154–164.
29. Митрофанова В.В. *Русские народные загадки*. Ленинград: Наука; 1978:178.
30. Кирбижекова У.Н. (ред.) *Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц, поговорок и загадок*. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва; 1976:131.
31. Бутанаев В.Я. *Мир хонгорского (хакасского) фольклора*. Абакан: Изд-во Хакасского государственного уни-та им. Н. Ф. Катанова; 2008:375.

References

1. Tolstaya SM. On the approaches to man. In: Tolstaya SM. (ed.) *Image of man in language and culture*. Moscow: Indrik Publ; 2018:7–20 (in Russian).

2. Afanasyeva EN. Verbalization of the image of a person in the Yakut language. *Siberian Philological Journal*. 2019;(2):231–242 (in Russian).
3. Gotovtseva LM. Phraseological units of the microfield “old age of a person” in the Yakut language. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2023;3(44):67–78 (in Russian).
4. Gotovtseva LM. Representation of the semantic field “Age of a person” in the Yakut language. *International Research Journal*. 2022;12(126):1–4 (in Russian).
5. Anisimov RN. Phraseological nomination of age and experience in the Yakut language (Comparison with the Turkic languages of South Siberia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018;9(17):31–42 (in Russian).
6. Ivanova IB. Verb constructions expressing the functional-semantic concept HUMAN AGE in the Yakut Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022;3(20):39–50 (in Russian).
7. Vinokurov VV. The conception of human being in Yakut mythology. *Vestnik SVFU. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2017;2(06):44–51 (in Russian).
8. Ergis GU. *Essays on Yakut folklore*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1974: 402 (in Russian).
9. Solovyova-Oyunskaya SP. *Yakut riddle. Specificity of the genre*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1992:111 (in Russian).
10. Sivtsev DK. *Yakut folklore. Collection*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1996:236 (in Yakut).
11. Illarionova TV. *Yakut riddles: textbook*. Yakutsk: Publ. House of Sakha state university; 2008:27 (in Yakut).
12. Filippova VV. *Yakut riddles: semantics and structure*. Candidate’s dissertation (Philology). Ulan-Ude; 2012:23 (in Russian).
13. Nikolukin AN. (eds.) *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. Moscow: RPC “Intelvak”; 2001:799 (in Russian).
14. Senderovich SYa. (ed.) *Figure of concealment: selected works. Vol. 3. On folklore*. Moscow: YASK Publ. House; 2019:284 (in Russian).
15. Kovshova ML, Orlova OS. To the question of the semantic structure of the riddle. Cognitive and cultural commentary as a principle of research. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 2020;4(4):70–79 (in Russian).
16. Orlova OS. Riddle as an object of linguistic research. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2017;3(8):104–114 (in Russian).
17. Faizullina NI. *Linguocognitive model of folk riddle: figurative and structural aspect (on the material of Russian, Tatar and English languages)*. Summary of Doctor’s dissertation (Philology). Kazan; 2019:42 (in Russian).
18. Chertykova MD, Kaksin ChA. Semantic and transformation schemes of interpretation of Khakas riddles. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;1–3(64):76–80 (in Russian).
19. Oyunskaya SP. (ed.) *Yakut riddles*. Yakutsk: Yakutsk Book Publ. House; 1975:375 (in Yakut and Russian).
20. Golovacheva AV. In relation to the pragmatics of the riddle. In: Nikolaeva TM. (ed.) *Studies in the field of Balto-Slavic spiritual culture: Riddle as a text. 1*. Moscow: Indrik Publ.; 1994:195–213 (in Russian).
21. Gorokhov SI, Efremov PE, Oyunskaya SP. (eds.) *A man’s words like an arrow*. Yakutsk: Book Publ. House; 1982:53 (in Yakut).
22. Vasilev GM, Konstantinov KhI. (eds.) *Creativity of the Yakut people*. Yakutsk: State Publ. House of the YaSSR; 1942:248 (in Yakut).
23. Yusha ZhM. The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia. *Sayan-Altai scientific Review*. 2021;2(30):28–32 (in Russian).
24. Soyana AM. Characteristics of man in Tuvan riddles (on field and lexicographic material). *New Research of Tuva*. 2024;(2):112–124 (in Russian).
25. Bochina TG. Numerical and color code as a component of Tuvan riddles about man. *New Research of Tuva*. 2023;(3):6–20 (in Russian).
26. Ukachina KE. (ed.) *Altai riddles*. Gorno-Altai: Gorno-Altai Branch of the Altai Book Publ. House; 1981:176 (in Altai and Russian).
27. Bidinova AK. Metaphors denoting a person in the Altai riddles. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2015;1(28):61–65 (in Russian).
28. Tadina NA. About human life stages in the context of the tradition of counting age in the Altai. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. 2023;3(41):154–164 (in Russian).
29. Mitrofanova VV. *Russian folk riddles*. Leningrad: Nauka Publ.; 1978: 178 (in Russian).

30. Kirbizhekov UN. (ed.) *A wiseword. A collection of Khakas proverbs, sayings and riddles*. Abakan: Khakas Branch of the Krasnoyarsk Publ. House; 1968:131 (in Khakas and Russian).

31. Butanaev VYa. *The world of Khongorsky (Khakas) folklore*. Abakan: Publ. House of N. F. Katanov Khakas State University; 2008:375 (in Russian).

Об авторе

Николаева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-7346-9737, e-mail: tnikolaeva184@mail.ru.

About the author

Tatiana N. Nikolaeva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, German Language and Literature Chair, Institute of Modern Languages and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-7346-9737, e-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию 28.08.2024 / Submitted 28.08.2024

Принята к публикации 10.12.2024 / Accepted 10.12.2024